

К ИСТОКАМ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: КНИГА ЭККЛЕСИАСТА КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ СМЫСЛОВ

Коэлет (Экклесиаст) – одна из самых загадочных и неоднозначных книг библейского канона прежде всего потому, что это, вероятно, самая философская книга в Танахе, призывающая к углубленным раздумьям, личностному осмыслению предназначения, сущности жизни.

Цель статьи – анализ поставленных в Книге Экклесиаста философских проблем и специфики их художественного воплощения. Предпринята попытка толкования древнего источника: истории появления сюжетов, жанровых форм, ритма и семантики произведения.

Существует два вида понимания актуальности – актуальность, связанная со злободневностью, и актуальность, связанная с вечностью. Книга Экклесиаста отвечает обоим этим видам.

Если говорить о сегодняшнем дне – мы живем в переломную эпоху, когда утрачены многие экзистенциальные смыслы, происходят столкновения христианского, мусульманского, иудейского миров. Поэтому интерпретации Экклесиаста связаны с проблемой выбора, требуют от мыслящего человека осознания бренности бытия и поиска смысла жизни, делая акцент на нравственные ценности. И сама поэтическая форма Экклесиаста является глубоко современной.

О времени и месте написания Книги Экклесиаста достоверных сведений практически нет. Можно лишь достаточно уверенно утверждать, что это одна из самых поздних книг Танаха.

Еще меньше известно об авторе книги. Греческое *Ekklesiastes* есть буквальный перевод довольно сложного по значению древнееврейского слова *коэлет* (коэлет), которое условно можно перевести как «проповедующий в собрании». Оно происходит от еврейского «кагал» (собрание) или «кегила» (община) и обычно понимается как «человек, говорящий перед общиной» [3, с.182]. Под этим псевдонимом скрывается неизвестный мудрец, биографические данные которого исчерпываются его собственными словами: «Я, Проповедующий, царил над Израилем в Иерусалиме» [2, Еккл. 1:12], а также ремаркой, называющей его «Давидовым сыном» [2, Еккл. 1:1]. Определение «сын Давидов» синонимично тому же понятию «царь», ибо в сознании древних евреев прочно укоренилось представление о потомках Давида как о единственной легитимной династии.

Автор ведет речь от лица израильского царя Шелома (Соломона) (X в. до н. э.), образ которого в еврейской, а затем и в христианской традиции стал олицетворением мудрости и сокровенного знания. В умах читателей нравоучительные книги уже в древности прочно ассоциировались с его именем, мудрейшим из царей и прообразом всех мудрецов-сочинителей, а поэтому анонимные собиратели притч называли себя, по аналогии с Соломоном, «царями». Неудивительно, что и Книга Экклесиаста уже вскоре после ее создания оказалась приписанной ему же. Но здесь мы видим не только типичный для древних культур случай псевдоэпиграфики, но и нечто иное, новое. Как отмечает С. С. Аверинцев, «автор не просто надписывает над книгой своей имя Соломона, но по-настоящему входит в образ великолепнейшего из царей Израиля, вводя неоднозначное сопряжение двух планов: исповедально-личного и легендарно-исторического» [1].

Генеральная тема книги – бренность, суетность, тщетность нашего мира, человеческой жизни. Кто же явился предтечей (предтечами) Коэлета-Экклесиаста в постановке этой проблемы? Какой контекст мог повлиять на размышления еврейского мудреца?

Уже в самой древнейшей литературе этого региона – шумерской – была высказана мысль о трагической краткости, хрупкости человеческой жизни и поставлен вопрос: в чем же смысл пребывания человека на этой земле? Среди шумерских героических сказаний о Гильгамеше есть небольшая поэма «Гильгамеш и Страна живых», в которой Гильгамеш, самый популярный и прославленный герой Месопотамии, наблюдая за быстротечной

жизнью людей, задумался над смыслом этой жизни и над собственной участью, а в итоге – захотел оставить след на этой земле.

Выдающийся шумеролог С. Н. Крамер, подчеркивая общечеловеческое значение этой древней поэмы, отмечает в первую очередь свойственный всем людям страх перед смертью, перед неизвестностью, ждущей человека за чертой жизни, и пафос преодоления смерти через героическое деяние: «Основное достоинство поэмы – ее общечеловеческая, вечная тема: страх смерти и возможность преодолеть смерть, добившись бессмертной славы» [5, с.182].

В вавилонской литературе, которая продолжила традиции шумерской, отдельные сюжеты о Гильгамеше уже оформлены в целостную героическую поэму, которую вполне можно определить и как философскую, ибо главный ее стержень составляют поиски смысла жизни и бессмертия.

В Египте, в эпоху Среднего царства, также рождаются литературные произведения, которые ставят очень сложные философские вопросы, дают свой взгляд на бытие. Это «Песнь арфиста» и «Беседа разочарованного со своей душой». Душа героя, которая стала самостоятельным героем произведения, выслушивая жалобы разочарованного, говорит ему о ценности жизни, о том, что стоит жить, несмотря ни на что. Но финал поэмы остается открытым. Мы не знаем, чем закончилась беседа, кто кого переубедил, – душа разочарованного или наоборот. «Рушатся пирамиды, даже богов настигает смерть... Нет ничего вечного под солнцем. Но главной загадкой остается то, что открывается человеку по ту сторону его земного бытия», – пишет исследователь Г. В. Синило [8, с.31].

Как видим, во многих поэтических текстах ближневосточного региона не случайно обнаруживаются настроения и мотивы, созвучные Книге Экклесиаста. Однако именно Экклесиаст, как никто другой в эпоху древности, сконцентрировал и заострил проблематику, связанную с осмыслением бренности бытия и поисками смысла жизни. Он впервые сделал это в русле монотеизма, размышляя о пути с Богом, акцентируя нравственные ценности (подобный аспект практически отсутствовал в языческих текстах этого региона). Кроме того, размышления Экклесиаста отточенно афористичны и представлены в чрезвычайно загадочной и неоднозначной форме, которая сама по себе интригует читателя и приглашает его к соразмышлению.

Перед нами целостный философский монолог, построенный по принципу ассоциаций. Не всегда понятна логика переходов от одной темы к другой; в тексте много повторов и возвращений, кажущихся порой излишними. На самом же деле при ближайшем рассмотрении эти приемы имеют глубокую внутреннюю оправданность. Внешне похожая на «поток сознания» форма подачи у Экклесиаста содержит столь же актуальные и современные элементы внутреннего диалога.

Интересные замечания по поводу жанровой формы Экклесиаста высказывает И. М. Дьяконов: «Текст Экклесиаста представляет собой монолог, но монолог особый, за которым фактически скрывается напряженный полемический диалог сразу со многими собеседниками: с традиционной мудростью, с окружающими людьми и, конечно, с самим собой. Противоречивость наставлений Проповедника, не раз констатировавшаяся в библеистической литературе (и не только в ней), объясняется в первую очередь тем, что в основной текст искусно вплетены суждения, с которыми Проповедующий не соглашается, полемизирует. Однако куда больше в книге сомнений и неуверенности в собственной правоте» [3, с.182].

Имя Экклесиаста справедливо связывается в сознании образованного человека с образом мудреца, философа, поставившего сложнейшие, неразрешимые вопросы нашего бытия, сформулировавшего парадоксальнейшие афоризмы. Интересен резкий контраст дидактической части книги с ее традиционной моралью и философской, необычной и очень индивидуальной. Уже в первых строках книги резко, без предисловий, заявлена философская позиция автора:

«Суета сует, – сказал Проповедующий, – суета сует, все суета.

Что пользы человеку от всех его трудов, над которыми трудится он под солнцем?» [2, Еккл. 1:2–8].

На первый взгляд, кажется, что, как и греческие, и – шире – языческие мыслители, Экклесиаст подчеркивает цикличность времени, вращение по кругу и видит в этом знак

стабильности мироздания. Однако при ближайшем рассмотрении мы видим, что циклические процессы в природе, устойчивая размеренность законов мироздания, в которой греческие философы усматривали высшую гармонию, вызывают у Экклесиаста множество вопросов. Где же смысл, если все повторяется? И если ничего не меняется в мире? Если человек ничему не учится?

Упорные повторяющиеся размышления Экклесиаста о бессмысленности человеческой жизни производят гнетущее впечатление, особенно при первом прочтении. Ничтожность и суетность человеческого бытия он подчеркивает, настойчиво повторяя короткое слово «хавэль», обозначающее дуновение ветра, выдох, возможно – легкий пар, вырывающийся изо рта и тающий в воздухе. По поводу этого трудного для перевода слова И. М. Дьяконов замечает: «Это слово также обозначает нечто бессмысленное и пустое, ничтожное и мимолетное, попросту ничто» [3, с. 188]. Может ли человек что-то добавить к уже созданному Богом? Или изменить? Скептицизм Экклесиаста распространяется на все сферы человеческой деятельности: богатство [2, Еккл. 5:10], власть [2, Еккл. 4:16], равно как и на созидательный творческий труд [2, Еккл. 4:4]. Даже мудрость не дает преимущества перед глупым, ибо все будут забыты [2, Еккл. 2:16]. Существования Бога Экклесиаст не отрицает, но воздерживается от суждений о нем, так как Бог заперделен и принципиально непостижим [2, Еккл. 11:5]. Экклесиаст сомневается в избранности человека как существа разумного, в возможности загробного существования: «Ибо участь сынам человека и участь скоту – // Одна и та же им участь: // Как тому умирать, так умирать и этим, // И одно дыханье у всех, // И не лучше скота человек; ибо все тщета» [2, Еккл. 3:19–20]. На посмертное воздаяние также рассчитывать не приходится: «Все, как всем: // Одна участь праведному и нечестивцу, // Благому и дурному, // Чистому и нечистому; // Приносящему жертвы и тому, кто не приносит жертвы, // Как благому, так и грешному, // Как клянущемуся, так и боящемуся клятвы» [2, Еккл. 9:2]. Полное благочестие вряд ли достижимо: «Ибо праведника нет на земле, // Чтобы благо творил и не согрешил бы» [2, Еккл. 7:20]. Конечно, такого рода высказывания не могли не шокировать читателей, особенно богословов.

Любому, кто знаком с Библией хотя бы поверхностно, может показаться, что в Экклесиасте как будто бы отсутствуют важнейшие духовные установки Писания. У некоторых людей может создаться впечатление, что у этого печального мудреца нет ни веры в высшую цель мироздания и истории, ни идеи Завета – глубинной духовной связи между человеком и Предвечным. И если в Псалтири и Книге Иова звучит голос мистика, жаждущего встретиться с Запредельным лицом к лицу, то Экклесиаст вроде бы довольствуется покорностью судьбе, призывает оставить все притязания и смириться перед загадкой жизни. Становится понятным, почему составители библейского канона немало спорили, как следует поступить с книгой: считать ее священной или нет?

Однако при всей разности текстов, в него вошедших, Танах строился как единый организм, как здание, составленное из частей, служащих одной грандиозной задаче: указать на пути, ведущие человека к единению с Вечностью. Как же могли ее создатели допустить, чтобы в нее вошло такое мрачное произведение? Ответ на вопрос мы найдем, если будем учитывать, что Писание – это не однородный свод заповедей и учений. Оно раскрывает рост человеческого духа перед лицом Творца. Выдающийся христианский мыслитель и ученый А. Мень пишет: «На определенном этапе сознания земные блага воспринимались как воздаяние за добро. Это была простейшая модель нравственного миропорядка, и в ней, безусловно, содержалась частичная истина. Но по мере углубления человеческого сознания и личностного начала должны были открыться новые духовные горизонты. Для этого человек должен был отчетливо увидеть, насколько “суетны”, непрочны эти преходящие блага. Вот почему Экклесиаст оказался включенным в канон» [7, с.218]. По его мнению, книга служила своего рода противовесом от «посюсторонних» иллюзий. Но вряд ли можно содержание книги свести только к «противоядию», только к призыву стремиться к жизни потусторонней. Еврейская традиция подчеркивает гораздо в большей степени ценность земного бытия и полагает, что человек должен учиться устраивать это бытие на разумных и духовных основах. Именно для этого и дарована Тора (Пятикнижие Моисея) с ее заповедями. Поэтому Коэлет призывает, как и Ийов (Иов), искать смысл в нашем «посюстороннем мире».

Можно не согласиться с довольно часто встречающимися рассуждениями, что только более поздние вставки смягчили мрачный характер книги. Внимательный читатель увидит, что она проникнута любовью к Богу, смирением перед Его волей и согласием с Ним, но и желанием постичь роковые вопросы бытия, утвердить преходящесть земного и действительную прочность духовного, Божественного в человеке.

Можно взглянуть на книгу и с другой стороны. Автор делится своими меланхолическими раздумьями о жизни человека. Она конечна и эфемерна. Люди должны ясно осознавать, что никакое обладание земными благами не приносит полного и глубокого удовлетворения. Погоня за наслаждениями – лишь «ловля ветра», «суета» – нечто тщетное и безнадежное. В Экклесиасте нарисован образ мудреца, который достиг всего, испытал все, о чем мечтает человек, и пришел к выводу, что гонялся за призраками. А может, он специально ставил эксперимент, итог которого – мысль о неизменности мира в его круговом движении, в непостижимости тайны Творца и Его путей? Возможно, нужно прекратить бесцельный бег и жить, как дано?

Книга делится на две большие части. В первой автор задается вопросами: «Зачем? Почему? Что, кроме того?». Раздумья его направлены на то, чтобы найти ответ на главнейший для каждого вопрос, который можно сформулировать: «Как жить? Или: Имеет ли жизнь предназначение? И если имеет, то какое?». Вопросы огромной важности, ответы на которые мы ищем всю жизнь, даже если не вполне осознаем это. И «предал я сердце тому, чтобы мудростью изучить и изведать все, что делается под небесами», хоть и знал, что «тяжкую задачу дал Бог решать сынам человека». Экклесиаст понимал, что мудрость – не конечная истина, знание которой не дано человеку, а определенный образ проживания жизни. Для чего же Коэлет взваливает на себя такое бремя? Не для того ли, чтобы облегчить участь своих современников и потомков? Тем горше его собственное одиночество. Он одинок, потому что – царь, «и нет утешителя у него», потому что погружен в себя и потому что – философ. Я. Кумок пишет: «Он одинок в своих нравственных исканиях, эксперимент ставит на себе и даже на пир является, чтобы испытать веселье. Испытываются желания, чтобы через них поведать о смысле жизни» [6, с.343].

Вторая часть книги – это итог. Итог его испытаний и раздумий. Теперь Экклесиаст спешит к людям, ему есть что рассказать им: «Всему свой час, и время всякому делу под небесами» [2, Еккл. 3:1].

Дойдя, кажется, до предела отчаяния, до признания абсолютной абсурдности и бессмысленности мира, Коэлет, словно оттолкнувшись ногой от дна пропасти, начинает на наших глазах поиски смысла бытия, на наших глазах рвется к этому смыслу, разворачивает перед слушателями идеал человеческого счастья. И удивительно, как раньше этого не замечали. Его слово ответственно, ведь говорит мудрец, заглянувший за некие пределы, куда глаз обычного человека (а к нему и обращена проповедь) не достигает. Он раскрывает идеал того, как жить человеку в немногие дни жизни его. И говорит Коэлет: «Я знаю». Значит, передает нам то, в чем нет сомнения, – спасение в Другом.

Вдвоем быть лучше, чем одному,

Ибо есть им плата добрая за труды их:

Ибо если упадут – друг друга поднимут [2, Еккл. 4:9–12].

Только осознав в полной мере бренность и тщетность бытия, хрупкость каждого мгновения жизни, можно по-настоящему радоваться жизни:

Так ешь же в радости хлеб твой и с легким сердцем пей вино,

Ибо Бог уже давно предрешил твои деянья [2, Еккл. 9:7–9].

Однако это не призыв к «пиру во время чумы». Коэлет утверждает необходимость наполнения смыслом каждого мгновения бренной жизни:

Сей семена с утра и руке до вечера не давай отдохнуть,

Ибо ты не знаешь, что удастся – то или это [2, Еккл. 11:6–9].

И напоминание, которое возвращает великого скептика в лоно традиции, к пониманию осмысленности мира: «И о своем Создателе помни с юных дней...» [2, Еккл. 12:1].

С вершины познания, мудрости, опыта и великих возможностей взирает Коэлет на жизнь, ища в ней целесообразности и смысла. Он как будто перебирает разнообразные

философские концепции, каждый раз с новой точки зрения рассматривает мир и человека, пока не находит тот фокус, в котором совмещаются человек и мир в единящей их гармонии, пронизанные светом Творца, волю и власть которого человек с любовью принимает. И здесь возникает новая концепция: уникальное качество человека – развитие. Именно человек – высшая стадия изменчивости мира, единственный, кто накапливает опыт. Другими словами, человек выступает как квинтэссенция мироздания.

В конечном счете, Экклесиаст не отвечает на вечные вопросы. Но он помогает тому, чтобы они приобрели отчетливую форму. Например, мы не можем не задуматься о том, чем отличается то, что мы делаем, от того, если бы мы бездействовали. Практически впервые задается вопрос: «Зачем?». Мудрец, взявший на себя миссию мыслить за все человечество, поставил вопросы, на которые ищет ответ не одно поколение людей. У автора тоже нет готовых ответов; он ищет и думает, и на страницах его книги запечатлен процесс этих мучительных поисков. Он понимает, что мы существуем «в долг», поэтому, что бы мы ни сделали, мы не заполним эту пустоту. Этим он хочет показать, что человек не должен забывать Бога и ставить себя выше. Он учит нас пониманию высшей человеческой свободы, которая ставит личность и общество над преходящим. И вспоминается другое знаменитое изречение Танаха, точнее Торы: «...не хлебом одним живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» [2, Еккл. 8:3].

Коэлет – непростая книга во всех смыслах этого слова. В ней заложены вечные истины, которые автор открывает через личный опыт и пытается передать их людям. Он выводит непреложные законы, чтобы оставить их потомкам. Чтобы люди больше не мучались, познавая истину, он делает это за всех, он дает ответ всем, кто спрашивает. Возвращение к данной книге означает все более глубокое постижение этого удивительного текста в поразительной многообразности его содержания, неисчерпаемости и всеобъемлемости.

1. *Аверинцев, С. С.* Древнееврейская литература / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – С. 271–302.

2. *Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Синодальный перевод на рус. яз. – Фототипическое изд. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1973. – 2357 с.*

3. *Дьяконов, И. М.* Комментарии / И. М. Дьяконов // Ветхий Завет. Плач Иеремии. Экклесиаст. Песнь песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана при участии Л. В. Маневича. – М.: РГГУ, 1999. – С. 173–253.

4. *Кетувим: Писания: пер. / под ред. Д. Йосифона. – Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1978. – 493 с.*

5. *Крамер, С. Н.* История начинается в Шумере / С. Н. Крамер; пер. с англ., предисл. и коммент. В. К. Афанасьевой; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1991. – 233 с. – (По следам исчезнувших культур Востока).

6. *Кумок, Я. Н.* Черное солнце Когелет / Я. Н. Кумок // Год за годом. – 1988. – № 4. – С. 318–375.

7. *Мень, А.* В поисках пути, истины и жизни. Т. 6: На пороге Нового Завета. От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя / А. Мень. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1983. – 827 с.

8. *Синило, Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов / Г. В. Синило. – Минск: Экономпресс, 1998. – 471 с.

9. *Экклесиаст / пер., предисл., послесл. и коммент. Р. Энтина. – Бней-Брак, 1989. – 176 с.*

V. RUSAKHOVA

**TO THE BACKGROUNDS OF THE JEWISH TRADITIONS:
THE BOOK OF AKKLESIASIT AS THE SPACE
OF CULTURAL AND PHILOSOPHICAL SENSES**

Kohelete (Ecclesiastes) is one of the most mysterious and ambiguous books of the Bible canon, first of all because it is the most philosophical book in Tanaha, calling on to deep thoughts, personal purpose comprehension, sense of life.

The aim of the present article is the analysis of the risen philosophical problems and the specifics of their artistic embodiment in the Book of Ecclesiastes.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 25.03.2011.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ